

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Л.Н. ГУМИЛЕВА

ТЕКСТ В СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ

Материалы VII Международной
научно-методической конференции

Нур-Султан, 2019

**ТЕКСТ В СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ**

**Нур-Султан
2019**

УДК 81'42
ББК 81.2-5
Т11

Ответственный редактор: Е.А. Журавлева

Редакционная коллегия:

Ш.К. Жаркынбекова, М.Б. Нуртазина, Г.К. Аюпова,
Д.С. Ташимханова, Э.Э. Яворская (тех. ред.)

Т11 Текст в системе обучения русскому языку и литературе:
материалы международной научной конференции / Отв. ред. Е.А. Журавлёва.
– Нур-Султан: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. – 270 с.

ISBN 978-9965-31-518-3

Сборник содержит статьи участников VII Международной научно-практической конференции «Текст в системе обучения русскому языку и литературе». Выступления участников конференции посвящены тексту как объекту лингвистического исследования, особенностям его функционирования в поликультурном пространстве, проблемам интертекстуальности и интермедиальности, культуры речи, интерпретации художественного текста и переводу, внедрению новых информационных технологий в преподавание языка.

ISBN 978-9965-31-518-3

УДК 81'42
ББК 81.2-5

© ЕНУ им. Л.Н. Гумилёва, 2019

КОММУНИКАТИВНЫЙ ЗАМЫСЕЛ АВТОРА В СИСТЕМЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ

Шахин А.А.

*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
г. Нур-Султан (Казахстан)
akingan@mail.ru*

В статье предпринята попытка рассмотрения системы прецедентных феноменов, которая позволяет успешно реализовывать коммуникативный замысел автора научного произведения. Анализ прецедентных феноменов, включающих тексты, имена, высказывания, ситуации, позволяет определить смысл и мотивы высказывания в контексте целого произведения.

Ключевые слова: *прецедентность, прецедентные феномены, прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация, коммуникативно-прагматические факторы, научный текст.*

The article deals with the functional meaning of precedent phenomena playing an important role for the successful course of the scientific communication act. Through explication of meanings of precedent texts, names, sayings, situations there defined the meaning and motives of the statements in the context of the whole work of art.

Keywords: *precedent, precedent phenomena, precedent name, precedent statement, precedent situation, communicative and pragmatic factors, scientific text.*

Прецедентность в современных лингвистических исследованиях детально изучалась в художественном, публицистическом, политическом дискурсах, но в научном дискурсе прецедентные феномены исследовались только эпизодически. Термин «прецедентный текст», который ввел Ю.Н. Караулов, анализировался и обсуждался многими языковедами: Ю.А. Сорокиным [1], В.Г. Костомаровым и Н.Д. Бурвиковой [2], В.В. Красных [3], Д.Б. Гудковым [4, 5] и многими другими. Каждый ученый истолковывал и находил новые оттенки значения у явления прецедентности. Например, при исследовании лингвокультурных концептов и метаконцептов Г.Г. Слышкиным выделяются единичные прецедентные феномены (личности, события, артефакты, географические объекты), тексты (высказывания, лозунги, крылатые выражения) и целые миры (исторические и воображаемые, художественные) [6:10]. В.В. Красных расширяет термин «прецедентность», предлагая определение «прецедентный феномен», включающий в

себя, помимо «прецедентных текстов» как продуктов речемыслительной деятельности, ещё и «прецедентное имя», «прецедентное высказывание» и «прецедентную ситуацию». По В.В. Красных, *прецедентная ситуация* – некая «эталонная», «идеальная» ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу. *Прецедентное имя* – индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным, или прецедентной ситуацией; это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (референту), а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени; может состоять из одного или более элементов, обозначая при этом одно понятие. *Прецедентное высказывание* – репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу: последний всегда «шире» простой суммы значений. К числу прецедентных высказываний принадлежат цитаты из текстов различного характера, а также пословицы [3, с. 47-49].

В современных исследованиях явление прецедентности получает развернутую характеристику в специфическом типе дискурса – научном. Рассмотрим виды прецедентных феноменов в ассоциативно-вербальной сети Л.Н. Гумилева, в научных произведениях которого широко представлены все перечисленные выше прецедентные феномены. В работах ученого нами выделено несколько разновидностей прецедентных высказываний (в основу нашей классификации, положены некоторые группы и подгруппы прецедентных высказываний, выделенные И.В. Захаренко и В.В. Красных [9]):

- 1) имеющие тесную связь со своим источником (его можно определить);
- 2) утратившие сейчас связи с породившим их текстом;
- 3) имеющие только поверхностное значение;
- 4) используемые при актуализации системного смысла высказывания.

Так, описывая войну руссов с хазарскими иудеями и падение Хазарского каганата, 54-й параграф книги «Древняя Русь и Великая степь» ученый называет *пятым актом трагедии* [7: 224]. Любой

культурный человек, знает, что в пятом акте трагедии происходит развязка всех событий. Эту прецедентную ситуацию Л.Н. Гумилев переносит с театральных подмостков на историческую арену. Означающим в следующих прецедентных ситуациях выступают прецедентные имена Елены и Париса из поэмы Гомера «Илиада», которая сама является прецедентным текстом и известный своей жестокостью древний итальянский обычай «кровь за кровь» – вендетта: «Похитив Борте – жену Тэмуджина, меркиты назвали это воздаянием за похищение Оэлун Есугеем. Повествуя об этих событиях, Л.Н. Гумилев дает им название *Степная вендетта* [8: 448], а попытку возвращения Борте он именует *Троянской войной на Селенге*: «Похищение Борте вызвало те же последствия, что и похищение Елены Спартанской Парисом. Только монголы оказались куда оперативнее ахейцев, и война не затянулась» [8: 450].

На страницах научных работ Л.Н. Гумилева мы сталкиваемся с огромным множеством прецедентных ситуаций, с которыми ученый соотносит различные научные явления: это и *суд Линча* [8: 123], и *ответ на вызов* [8: 124], и *столкновение лицом к лицу* [8: 218], и *умывание рук* [8: 177] и другие.

Далее рассмотрим примеры использования в работах Л.Н. Гумилева прецедентных имен. Идея Л.Н. Гумилева о применении географии к решению проблем истории и этнологии находит эксплицитное выражение в следующем размышлении: «...*Надлежит найти какой-то эталон для измерения этнической истории ... Тут Каллиопа бессильна и должна просить помощи у своей сестры Урании*» [8: 174]. Ученый обращается к прецедентным именам муз – покровительницам истории и географии, не в качестве эстетического изыска. Так, подчеркивая родство муз, ученый говорит о близком, кровном родстве двух дисциплин, которые подобно сестрам не могут обойтись друг без друга, и о необходимости шага к синтезу наук, без которого невозможно дальнейшее развитие научной мысли. Л.Н. Гумилев утверждает, что деление наук по предмету изучения – неправомерно и предлагает деление по способу получения первичной информации, таким образом, он относит историю в сферу естественных наук: «Ведь история, как *двуликий Янус*, гуманитарна лишь там, где предметом изучения являются творения рук и умов человеческих» [8: 358].

Обращение к набору дифференциальных признаков каждого из указанных прецедентных имен дает возможность автору через прецедентную ситуацию активизировать интерес читателя к предмету исследования. Описывая «докапиталистического человека», которому идея накопительства была чужда, Л.Н. Гумилев указывает на имя, несомненно, прецедентное – «Такие люди, если бы они увидели *Рокфеллера*, сочли бы его безумцем» [7: 438].

В целом ряде примеров в произведениях Л.Н. Гумилева прецедентное имя выступает как имя собственное, а не прецедентное. Прецедентное имя, как и любое другое индивидуальное имя, именуется предмет, указывая на денотат. В таком контексте дифференциальные признаки оказываются нерелевантны, хотя связь данного имени с текстом художественного произведения сохраняется: «Можно ли сказать про маршалов Франции Мюрата или Ланна, что они – баски, а не французы. Или про *д' Артаньяна*, исторического персонажа и героя романа *Дюма*?» [8: 57].

В.В. Красных писала о способности прецедентного имени употребляться в качестве «сложного знака», обладающего некоторым инвариантом восприятия стоящего за именем «предмета». В приведенном ниже примере Л.Н. Гумилев обращается к дифференциальным признакам прецедентного имени, составляющим ядро инварианта его восприятия: «Сатана упомянут только в книге Иова, но и здесь он не соперник и не враг бога, а его сотрудник. *Бог* и *Сатана* вместе осуществляют жестокий эксперимент над беззащитным и невинным *Иовом*, а потом угрозами зажимают ему рот» [8:106]. Апелляция к именам Бога, Сатаны, Иовы (Иисуса) не требует дополнительного комментария, сами эти прецедентные имена, по мнению автора, выражают нечто большее, чем непосредственное значение знака.

В качестве прецедентных имен у Л.Н. Гумилева выступают также выдающиеся деятели искусства, науки, знаменитые правители. В историческом описании обращение к именам, связанным с какими-либо историческими процессами является закономерным и даже необходимым. Однако в научных текстах Л.Н. Гумилева эти имена являются своего рода символами. Имена Данте, Микеланджело, Гомера и др. используются автором для апелляции к определенной ситуации, связанной с эпохой правления того или иного деятеля,

оставившего заметный след в истории: «И поэтому можно утверждать, что *Данте* и *Микеланджело* сделали для интеграции итальянского этноса никак не меньше, чем *Цезарь Борджиа* и *Макиавелли*. И недаром эллины чтили *Гомера* и *Гесиода* наравне с *Ликургом* и *Солоном*, а древние персы *Заратустру* даже предпочитали *Дарию I Гистаспу*» [8: 301].

В результате анализа примеров, нами выявлено, что употребление автором прецедентных имен неслучайно. Это – не демонстрация высокого интеллектуального уровня, не украшательство и не только способ активизации внимания. Они служат для раскрытия сущности процесса этногенеза, теории пассионарности: «Творческое сгорание *Гоголя* и *Достоевского*, добровольный аскетизм *Ньютона*, надломы *Врубеля* и *Мусоргского* – это тоже примеры проявления пассионарности, ибо подвиг науки или искусства требует жертвенности, как и подвиг прямого действия. В процессах этногенеза ученые и артисты тоже играют важную роль, хотя и другую, нежели деятели политической истории» [8: 299].

С описанными выше прецедентными именами тесно связаны различные сентенции, многочисленные афоризмы, которые определяются В.В. Красных как прецедентные высказывания. Прецедентные высказывания по «формальным показателям» являются феноменом собственно-лингвистической природы. Оно обязательно неоднократно воспроизводится в речи, и в этом заключается его специфика и отличие от других прецедентных феноменов, которые могут быть потенциально частотными. Не будучи отдельной единицей языка, прецедентное высказывание функционирует как единица дискурса. За прецедентным высказыванием всегда стоит прецедентный феномен – прецедентный текст и/ или прецедентная ситуация, играющие важную роль в формировании смысла высказывания. То или иное использование готового текста не только воспроизводит точную и привычную формулировку, напоминает уже имеющийся образ, но и устанавливает определенное соотношение производимого текста с предшествующими, т.е. включает его в вертикальный контекст текстового универсума [3:100].

В научных работах Л.Н. Гумилева достаточно широко представлен этот феномен: пословицы, поговорки, высказывания литературных персонажей, фразеологизмы, цитаты из различных текстов. По

утверждению ученого, «Этническая история не беспорядочный набор сведений, *без начала и конца* (А. Блок) и не просто *дней минувших анекдоты* (А. Пушкин), а строгие цепочки причинно-следственных связей» [8: 23] – в этом примере Л.Н. Гумилев, используя цитаты из поэтических текстов, называет имена авторов. «Но старые этнические системы уже не могли удерживать в своей среде рождавшихся пассионариев, которые, владея мечом и копьем, искали себя, а не для своих соплеменников *карьеры и фортуны*» [9: 89] – налицо апелляция к стихотворению М.Ю. Лермонтова «Смерть поэта».

Достаточно часто в своих работах ученый обращается к библейским текстам, которые служат и в качестве исторического источника, и как предмет для сопоставления с каким-либо фактом или явлением, т.е. в роли прецедентных текстов. Так, Л.Н. Гумилев пишет: «Люди слабо пассионарные в христианских общинах не были нужны. О таких было сказано: *Знаю твои дела. Ты не холоден и не горяч: о, если бы ты был холоден или горяч; но как ты тепл, то изблюю тебя из уст моих.* На этом принципе создавались первые консорции пассионариев нового типа» [9: 105]. Выражение «не холоден и не горяч» довольно часто употребляется в дискурсе различных языковых личностей для характеристики вялых, пассивных, неэмоциональных людей. Большая распространенность этого определения позволяет отнести его к прецедентным высказываниям. В современном дискурсе это высказывание утратило связь со своим источником, и ссылка ученого на третий Апокалипсис свидетельствует о его широком кругозоре.

Описываются в трудах ученого ситуации, когда «лев и агнец вкупе почивают» [9: 599], и когда «старым дышит новизна» [9: 500].

Наблюдаются случаи ввода Л.Н. Гумилевым в научный текст произведений устного народного творчества. Например, столкновения евреев и христиан ученый объясняет одинаковым уровнем пассионарности. Для описания сложившейся ситуации несовместимости двух суперэтносов, Л.Н. Гумилев, в качестве иллюстрации использует персидскую поговорку «*Два меча нельзя вложить в одни ножны*» [9:116]. В другом примере ученый обращается к поговорке «*Враги наших врагов – наши друзья*». Здесь наблюдается характерный для Л.Н. Гумилева прием пояснения значения: «Даже если они нас не любят и ничего от нас не получают, они, борясь со своими, а тем самым нашими врагами, помогают нам» [9: 160].

Прецедентные высказывания применяет Л.Н. Гумилев для характеристики каждого этапа создания новой этнической целостности. Он называет это императивом поведения – «*Будь тем, кем ты хочешь быть*», «*Будь самим собой*», «*Будь таким, как я*», «*Мы устали от великих!*» – каждое высказывание имеет свое пояснение и обязательное в данном случае соотнесение с исторической ситуацией. В следующем примере мы можем наблюдать использование Л.Н. Гумилевым этого приема: «Пассивное большинство членов этноса, вдоволь настрадавшись от честолюбивых устремлений своих сограждан, формирует новый императив: «*Мы устали от великих!*» и дружно отказывает в поддержке соплеменникам, желающим быть героями. В этих условиях пассионарный спад ускоряется, социальная перестройка неизбежно отстает от потребностей, диктуемых этнической динамикой [8: 378].

Прецедентные высказывания в научных текстах Л.Н. Гумилева представлены собственно-языковыми единицами: словосочетаниями и предложениями, которые определяют смысл и мотивы отдельного высказывания в контексте целого произведения.

Представленные и рассмотренные прецедентные феномены: *прецедентный текст, прецедентная ситуация, прецедентное имя и прецедентное высказывание* в научных текстах Л.Н. Гумилева различаются по форме введения их в текст, по-разному соотносятся с вербальными средствами и составляют целую систему, которая может стать объектом отдельного лингвистического исследования. Мы относим указанные феномены к коммуникативно-прагматическим факторам, без обращения к которым специализированные (научные) тексты останутся непонятыми и непонятыми для большинства реципиентов. Коммуникативно-прагматические факторы, пронизывая весь массив, созданных Л.Н. Гумилевым научных произведений, акцентируют внимание читателя на особо важных моментах исследования, вскрывают проблемы, на которые ученый считает своим долгом обратить внимание, помогают определить его жизненную позицию и как ученого и как члена человеческого сообщества. Приоритетное положение в его научных текстах занимает коммуникативный замысел автора, который направляет читательское восприятие. В центре прагматических интересов Л.Н. Гумилева стоит обра-

ценность к читателю, тексты ученого ориентированы на него как на независимую деятельную постигающую личность.

Таким образом, для привлечения читателя к новому авторскому знанию является, согласно приемам, используемым Л.Н. Гумилевым, обязательное включение в научный текст разнообразных средств и способов всего общелитературного языка, а не их ограниченного набора.

Литература

1. Сорокин Ю.А. Что такое прецедентный текст? // Семантика целого текста. – М., 1997. – С.144-145.
2. Костомаров В.Г., Н.Д. Бурвикова. Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. – М., 1994. – № 1. – С. 3-12.
3. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М., 2002. – 284 с.
4. Гудков Д.Б. Прецедентное имя. Проблемы денотации, сигнификации и коннотации // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. – М., 2007. – С. 116-129.
5. Гудков Д.Б. Прецедентные имена и парадигма социального поведения // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации. – М., 2006. – С. 58-69.
6. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. – Волгоград, 2004. – 198 с.
7. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 548 с.
8. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. – М., 1989. – 765 с.
9. Захаренко И.В. и Красных В.В. Лингво-когнитивные аспекты функционирования прецедентных высказываний // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. – М., 1997. – С. 100-115.